

**БИБЛИО- И БИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
В ИЗУЧЕНИИ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
М. М. БАХТИНА (К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

**BIBLIOGRAPHIC AND BIOGRAPHICAL ASPECTS
IN THE STUDY OF M. M. BAKHTIN'S CREATIVE HERITAGE
(ON THE 125TH ANNIVERSARY OF HIS BIRTH)**

БЫКОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
BYKOV SERGEY VLADIMIROVICH

доктор психологических наук, эссеист (Тольятти)
doctor of psychological sciences, essayist (Togliatti)

Ключевые слова: М. М. Бахтин, библиография работ Бахтина, философская позиция Бахтина, обстоятельства жизни и творчества Бахтина, «Круг Бахтина».

Keywords: M. M. Bakhtin, Bakhtin's works bibliography, Bakhtin's philosophical position, Bakhtin's life and creation circumstances, «Bakhtin circle».

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые вопросы истории публикаций М. М. Бахтина и его биографии. Бахтин Михаил Михайлович — философ, филолог, историк культуры; создатель общей теории гуманитарных наук. Разработал оригинальную диалогическую интерпретацию внутреннего смысла христианской нравственности, включающей в себя ряд частных культурологических концепций.

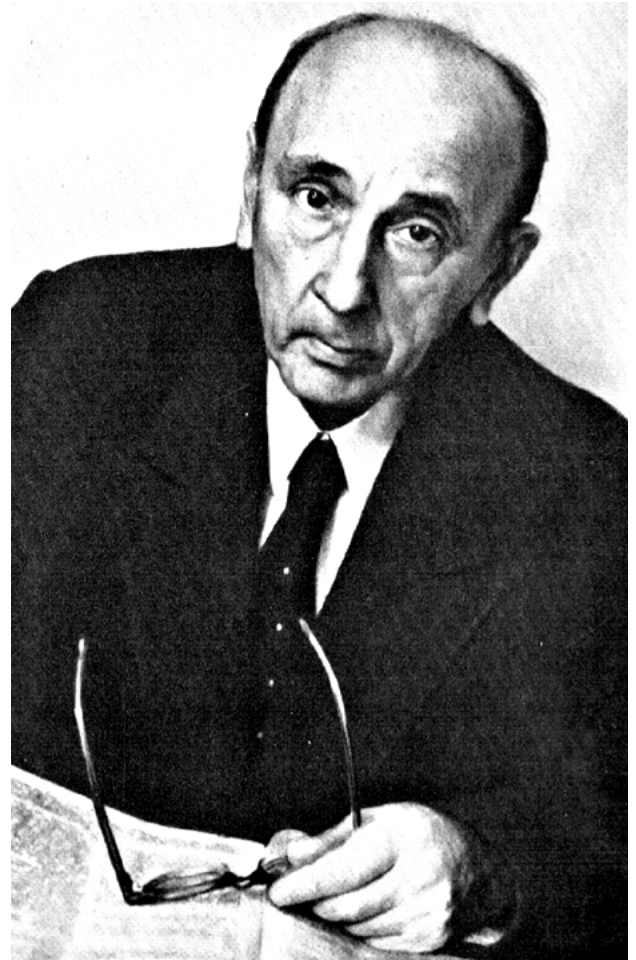
Annotation. The article deals with some questions connected with M. M. Bakhtin publications history his biography also. Mikhail Bakhtin was a philosopher, philologist, historian of culture, creator of general theory of humanitarian sciences. He also created an original dialogical interpretation of inner sense of christian morality, including several particular culturological concepts.

В 2020 году научный мир отмечает знаменательную дату для мировой гуманитарной культуры — 125-летие со дня рождения Михаила Михайловича Бахтина — русского философа, культуролога, теоретика европейской культуры и искусства. М. М. Бахтин — исследователь языка, эпических форм повествования и жанра европейского романа. Создатель новой теории европейского романа, в том числе концепции полифонизма (многоголосия) в литературном произведении. Исследуя художественные принципы романа Фран-

суа Рабле, Бахтин развил теорию универсальной народной смеховой культуры. Ему принадлежат такие философско-литературоведческие понятия, как полифонизм, смеховая культура, хронотоп, карнавализация, мениппея, духовный верх и телесный низ, и другие фундаментальные дефиниции. Метод разрешения антиномий Бахтин разработал и для других введенных им частных категориальных пар (форма и материал, душа и тело, смех и страх, хвала и брань, мгновение и вечность, пространство и время, эпос и роман и другие). Диалогический характер челове-

ческого бытия, из которого исходит М. М. Бахтин, определяет и его подход к разработке философских основ гуманитарных наук и, в частности, к анализу проблемы текста. Гуманитарные науки, поскольку они имеют дело с личностью, предполагают диалогическую активность познающего, диалогическое движение понимания, которое, в свою очередь, основывается на диалогическом контакте между текстами и на сложном взаимоотношении текста и контекста. Признание нескончаемого обновления смыслов в новых контекстах приводит Бахтина к различению малого времени и большого времени, трактуемого как бесконечный и незавершимый диалог. Согласно М. М. Бахтину, диалог есть та форма бытия, представляющего как полифония голосов, внутри которой происходит становление индивида. Индивид, поскольку он попадает в такое бытие, бессознательно проникается его диалогичностью. В философском «проекте» Бахтина время выступает в виде структурной взаимосвязи эстетического бытия. Философ проводит различие между переживаниями «моего времени» и «времени другого» на основе возможности ценностного отношения. Переживание собственной жизни соотносится с представлением о будущем, придающем ей осмысленное оформление. Тема ответственности художника, о которой писал Бахтин в раннем творчестве, на современном этапе звучит очень актуально. В ответственности художника усиливается коммуникативная функция организации взаимодействия искусства и зрителя.

Бахтин одним из немногих, кто сумел в сложных условиях жизни и судьбы, аккумулировать предыдущий опыт кружковой работы и практиковать такой подход до конца своих дней. Эта еще одна огромная заслуга мэтра. Он не плодил учеников, а создавал круг единомышленников, поддерживающих и продолжающих его дело. Так было в Невеле, Витебске, Петрограде-Ленинграде, Саранске, Москве. Видимо, посещения «башни» Вячеслава Иванова, имели такие научные и творческие последствия. Он так учился и развивался. В маленьком Невеле вокруг Бахтина, Пумпянского и Кагана сложился недолго просуществовавший домашний философский семинар, который современники называли «кантовским». К 1920—1921 годам из участников этого семинара в Невеле оставались, кажется, только Бахтин и Каган. Бахтин и Каган были близко знакомы с 1918 по 1921 гг. Взаимовлияние друг на друга было значительно. Причем, выясняется, что выпускник Марбургского университета, доктор философии М. И. Каган, задавал тональность в философских беседах с М. М. Бахтиным. Из опубликованных те-

перь писем невеличких друзей — В. Н. Волошинова, Л. В. Пумпянского, а также по обнародованным недавно в газете «Советская Мордовия» отрывкам показаний М. М. Бахтина, сохранившимся в его следственном деле, видно, что и в Невеле, а потом в Витебске, в Ленинграде были у них разговоры до утра, серьезные обсуждения книг по философии, искусству, теологии, рассказы о собственных исследованиях и размышлениях. В 1929 году М. М. Бахтин по доносу, чудом не попал в заключение в Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОИ). Благодаря стараниям жены и старых друзей — Кагана, Юдиной, Бахтин отправился в ссылку. Вспоминает дочь М. И. Кагана, Ю. И. Каган: «Встреча же Бахтина и моего отца произошла через много лет. Это было в 1936 и в 1937 годах. Встречу летом 1936 года я очень хорошо запомнила. В квартиру позвонили, отец пошел открывать и долго не возвращался. В нетерпении я отправилась посмотреть, что его задерживает. В коммунальной квартире, на лестничной площадке в слезах молча стояли, обнявшись, мой отец и какой-то незнакомец. Это был Михаил Михайлович. Телефона у нас не было. Приезд был неожиданным» [3, с. 12]. Судьба распорядилась так, что в декабре

1937 года Каган умер от приступа грудной жабы. Почти все люди этого рода были уничтожены или прожили свою жизнь очень незаметно. Мне кажется, что за скобками изучения творчества Михаила Бахтина, остаются вопросы о влиянии семьи на его становление, — старшего брата, философа Николая Бахтина, умершего в 1955 году в эмиграции в Бирмингеме. Старший брат Николай — философ, историк античности. Схожие судьбы — Бахтина и Булгакова, можно увидеть в творчестве Михаила Булгакова, который буквально боготворил своего старшего брата — Николая, жившего в эмиграции в Загребе и Париже. И тот и другой, после гражданской войны, своих братьев так и не увидели. Булгаков в письме к Сталину просил «отпустить» его к старшему брату. Михаил Бахтин, чью теорию мениппеи часто применяли для интерпретаций романа Булгакова «Мастер и Маргарита». Действительно, роман «Мастер и Маргарита» во многом соответствовал признакам Менипповой сатиры (основатель жанра — древнегреческий поэт III в. до н. э. Менипп), столь близкой исследовательским интересам М. М. Бахтина. Булгаковский роман — мениппея постольку, поскольку он сочетает смешное и серьезное, философию и сатиру, пародию и волшебную инфернальную фантастику, а столь, ценимая М. Бахтиным карнавализация действительности достигает своей кульминации в сеансе черной магии в Театре Варьете [6]. Влияние на Бахтина особенно проявилось в его восприятии смеховой ткани карнавалных, модернистских романов Константина Вагинова — «Козлиная песнь» (Л., Прибой, 1928) и «Труды и дни Свистонова» (Л., 1989). Бахтин также относил эти романы к жанру менипповой сатиры [2]. «Круг Бахтина» изображается здесь в ироническом и гротескном свете как «последний остров Ренессанса».

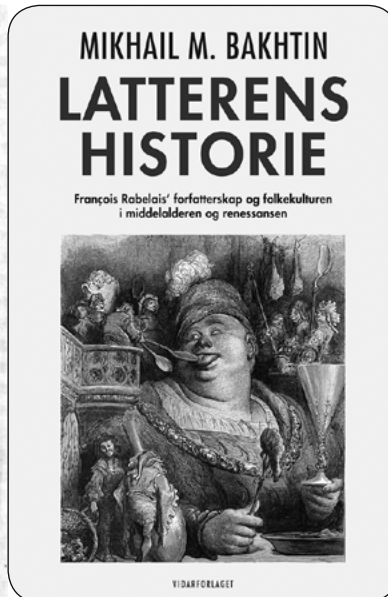
Бахтин — автор нескольких лингвистических работ, посвященных общетеоретическим вопросам, стилистике и теории речевых жанров. Интеллектуальный лидер научно-философского «кружка», который известен как «Круг Бахтина». Родился в Орле в многодетной семье банковского служащего. Затем вместе с семьей жил в Вильне и Одессе. По его словам, учился в Петроградском и Новороссийском университетах (документальных подтверждений нет). С 1918 по 1924 гг. — время становления Бахтина как философа. Из написанного в эти годы, сохранились неполные тексты двух больших трудов (оба опубликованы посмертно и озаглавлены публикатором): «К философии поступка» и «Автор и герой в эстетической деятельности». Первая печатная работа Бахтина — статья «Искусство и ответствен-

ность» вышла в свет в невельской газете «День искусства» от 13 сентября 1919 года. В 1920-е годы Бахтин переключается на теорию литературы и философию языка. В 1924 году была подготовлена к печати статья «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» написанная в 1924 г. для журнала «Русский современник». Однако свет она так и не увидела, так как журнал был властями закрыт. Во второй половине 20-х годов он публикует ряд книг и статей под именами своих друзей — И. И. Канаева, В. Н. Волошинова (книги «Фрейдизм», 1927; «Марксизм и философия языка», 1929; и серия статей) и П. Н. Медведева («Формальный метод в литературоведении», 1928). Вопрос о формах участия Бахтина в написании этих работ остается дискуссионным, но самый факт участия считается установленным. Итогом 20-х годов стала книга «Проблемы творчества Достоевского» (1929). В книге «Проблемы творчества Достоевского» (1929) вводит в обиход филологии представление о «полифонизме» текста, то есть таком типе повествования, когда слова героев звучат как будто из разных независимых источников — так игра разных инструментов в ансамбле образует полифонию. В противовес «монологическому» слову большинства писателей проза Достоевского «диалогична». Философское понимание культуры как диалога, вырастающее у Бахтина из наблюдений над прозой Достоевского, привело к революции в социолнгвистике и заложило основание современной культурологии. В 1930-е годы, были напечатаны два предисловия к XI и XIII тт. Полного собрания художественных произведений Л. Н. Толстого. С тех пор, вплоть до 1963 года, ни строчки, написанной Бахтиным, в печати не появилось. Работы 1930-х годов развивают идеи ранних собственно философских работ Бахтина и исследования о Достоевском. Но интересы его существенно меняются: если в работах 1920-х годов преобладал интерес к философско-эстетическим аспектам речи, то теперь в центре внимания исследователя оказывается вопрос о соотношении времени и пространства и о теле человека. В 30-х годах, во время ссылки, была написана книга «Слово в романе», открывающая ряд работ по теории романа, ставшей главной темой его творчества в 1930-е годы. В 1937-38 годах, уже в Москве, Бахтин написал «Роман воспитания и его значение в истории реализма», в центре которой, творчество Гете. Книга была сдана в издательство «Советский писатель», но не вышла; рукопись в дальнейшем была утрачена, сохранились только обширные подготовительные материалы к ней. Одним

из наиболее продуктивных результатов работы над темой романа воспитания была теория «хронотопа», т. е. пространственно-временной модели мира в литературе. Свои разработки 1930-х гг. на эту тему автор оформил в конце жизни в большое исследование «Формы времени и хронотопа в романе». В статьях «Из предыстории романного слова» (1940) и «Эпос и роман» (1941; первоначальное название — «Роман как литературный жанр») предпринят неясный пересмотр гегелевской идеи романа как буржуазной эпопеи [4]. Итогом работы в 1930-х годах стала рукопись «Франсуа Рабле в истории реализма» (1940). В текстах 1950-х гг., писавшихся без надежды на опубликование, Бахтин развивал темы металингвистики, в том числе оригинальную теорию речевых жанров («Проблема речевых жанров», 1953) и теорию текста, полемически соотносящуюся с формирующимся течением отечественного структурализма («Проблема текста», 1959). Одновременно накапливаются материалы для существенной переработки книги о Достоевском. В 1963 году под измененным названием, издается книга — «Проблемы поэтики Достоевского». Бахтин, используя теорию относительности, работает с понятием «пространство-время» в «теле» романов Достоевского — Петербурга Достоевского. Следом за ней «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (закончена в 1955, опубликована в 1965 году), которая вызвала переворот в теории литературы. Бахтин показал, что литература имеет корни в «народных праздниках» — карнавалах и мистериях древности. В целом работы Бахтина, посвященные исследованию западной литературной традиции, остаются революционными до

сих пор, и по сути открывают целый новый мир — мир мифо-ритуальной традиции, которую Бахтин увидел в карнавале и связал с народной смеховой культурой. Сейчас становится ясно, что дело не столько в «народности» этой культуры, сколько в ее традиционной обрядовости, которая позволяет передавать предания из глубины веков «живым примером», вне письменной фиксации. В ближайшие следующие годы появляются переводы обеих книг на иностранные языки. В последних текстах («Из записей 1970–1971 гг.», «К методологии гуманитарных наук», 1974) он заново обратился к темам своего раннего творчества: философская антропология, проблема автора. Теоретические работы Бахтина собраны в посмертно изданных книгах — «Вопросы литературы и эстетики» (1975), «Эстетика словесного творчества» (1979) и в пяти томах «Собрания сочинений автора» (1996). Архив Бахтина хранится у его юридических наследников — С. Г. Бочарова, В. В. Кожина и Л. С. Мелиховой [5]. Сразу же после выхода в 60-е годы книги о поэтике Достоевского, его работы получают широкую известность и в России и на Западе, а сам Бахтин начинает восприниматься как одна из крупнейших фигур русской философско-гуманитарной мысли XX века. Имя выдающего русского ученого М. М. Бахтина, наряду с работами Л. С. Выготского, В. В. Проппа, чаще других звучит в рамках нарративно-экологического подхода, основанного на диалогической философской традиции, конструктивизме и культурно-исторической психологии. Идеи Бахтина находятся в центре дискуссий современной русской и западной науки. Вокруг работ Бахтина до сих пор идет серьезная полемика. Бахтин как «яблоко раздора», между

сторонниками традиционных филологических школ и междисциплинарным подходом в изучении наследия философа. Масло в огонь «бахтиноведения» добавляет то обстоятельство, что западный, особенно англо-американский мир литературы, театра, психологии, филологии, литературоведения, славистики и т. д., тщательно изучает, цитирует, «по делу» критикует и восхищается работами Бахтина. В России работы Бахтина читает очень узкий круг специалистов. Парадоксально, но право на явно запоздалую работу о Бахтине в серии ЖЗЛ, получил А. В. Коровашко, агрессивно развенчивающий Бахтина как филолога и философа. Сегодня достаточно распространена версия о внутренней проти-

воречивости, утопичности его идей. На страницах «Вопросов литературы», В. Бирюков, не принимающий тезис «диалогизма» М. Бахтина, пишет: «Как таковой знаменитый бахтинский диалог является монологом. Он является абсолютным монологом, поскольку является абсолютным диалогом» [1, с. 32]. Далее цитировать нет смысла. Известный литературовед С. Бочаров в послесловии едко заметил, что «возражать, оспаривать, «защищать» Бахтина — нелепо и бесполезно» [1, с. 38]. И далее, «автор находится сам в кругу бахтинских проблем и бахтинского языка» [1, с. 38]. Бочаров блестяще ставит точку в «диалоге» с Бирюковым: «абсолютно аутическая возня с самим собой» [1, с. 38]. Вместе с тем Бахтин до сих пор остается неразгаданной фигурой. Все однозначные оценки его частных теорий, например, как структуралистических, к чему склоняла многих действительно свойственная Бахтину дихотомическая расстановка понятий, в конечном счете опровергались, как только начинали рассматриваться в контексте всего наследия Бахтина. Свой вариант разрешения культурного кризиса, двойничество сознания, Бахтин связывал с глубинными антимонологическими силами в самой культуре, т. е. с теми силами, которые нашли выражение в частных формах духовной деятельности — в неофициальной народной культуре, в языке, в некоторых формах художественного творчества. Несмотря на тематическое разнообразие частногуманитарных бахтинских исследований, а иногда и на их поверхностную смысловую взаимопротиворечивость, все они исходят из единой и не меняющейся религиозно-философской позиции Бахтина. Общефилософская категориальная пара «я» и «другой» возрождалась Бахтиным и в других частных категориальных парах; так, в эстетике «я» и «другой» трансформировались в «автора» и «героя». Исследовав наиболее устойчивые типологические формы взаимоотношений автора и героя, Бахтин переформулировал свое понимание кризиса культуры в терминах эстетики как «бунт героя» против автора и одновременно потерю самим автором устойчивой позиции внеаходимости, необходимой для завершения образа героя. Примыкая с точки зрения интеллектуальной техники к западноевропейской философии (неокантианству когеновской школы, феноменологии Гуссерля и герменевтике дильтеевского типа), по своей аксиологии творчество Бахтина может быть осмыслено как один из вариантов развития русской, православно ориентированной философии.

Бахтин подвергался преследованиям. Несколько раз он находился в крайне критических жизненных

ситуациях после ареста 1928 года. Попытки вернуться к академической и преподавательской деятельности в то время были сопряжены с угрозами для его жизни. Так, после ссылки в Кустанае, первое пребывание Бахтина в Саранске продлилось один семестр. Готовилась расправа над Бахтиным, Петровым и Антоновым в пединституте, которые были привлечены НКВД по делу ученых народности «эрзя» в Мордовии, якобы готовивших почву для мордовской автономии от Советской России. Бахтин фактически бежал от ареста, который в 1937 году мог привести к непоправимым последствиям. Вернулся ученый в Саранск в 1945 году, где преподавал на протяжении долгого времени, заведовал литературоведческими кафедрами до выхода на пенсию в 1961 году. Жил трудно, скромно и уединенно, несмотря на то, что на него «обрушилась» всесоюзная и мировая слава. Бахтина, «сидельца с многолетним стажем», вспомнили московские литературоведы Кожин, Гачев, Бочаров, которые ездили к нему в Саранск. Бахтина воспринимали как «старца», к нему приходили разговаривать и показывать свои работы ученые-гуманитарии. Бахтин (инвалид детства, оставшийся без ноги) — автор оригинальных теорий эстетической философии. Ученый с мировым именем. Был одним из первых православных философов в Советском Союзе. Христа называл — «Всечеловеком». Умер и похоронен рядом с женой Еленой в Москве. Каждому дано по вере его.

Список литературы:

1. Бирюков В. Полифония и подполье. Из «Диалектических экзерсисов на русскую тему». Послесловие С. Бочарова / Вопросы литературы. Май-апрель 2008. — С. 20–40.
2. Быков С. В. «Не-алиби бытия в мире» М. Бахтина, экзистенциальная ответственность и философия литературы обэриутов / Уличный театр против театра военных действий // Сборник научных трудов Международной Бахтинской научно-практической конференции. ФГБНУ «Институт художественного образования и культурологии РАО»; НП «Театр-ЭКС». 2020. — С. 103–115.
3. Каган Ю. М. Люди не нашего времени. В кн. Каган М. И. О ходе истории / Ред.-сост. В. Л. Махлин. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — С. 10–19.
4. Паньков Н. М. М. Бахтин и теория романа / Вопросы литературы. Май-июнь 2007. — С. 252–315.
5. Русская философия. Малый энциклопедический словарь. — М.: Наука, 1995. — 624 с.
6. Соколов Б. В. Булгаков. Энциклопедия. — М.: Изд-во Эксмо. Изд-во Алгоритм. Изд-во Око, 2005. — 831 с.